

Лоретта
**ЛОРЕТТА
ЧЕЙЗ**

*Соблазнительный
шекс*

Лоретта Чейз Соблазнительный шелк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6893679

Чейз, Лоретта Соблазнительный шелк : роман : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080367-5

Аннотация

Восходящая звезда лондонской моды для избранных, юная Марселина Нуаро знает о женских туалетах все... как, впрочем, и о мужском коварстве.

Именно поэтому она без колебаний вступает в опасную игру со знаменитым соблазнителем герцогом Кливдоном. Но что значат несколько фраз и улыбок, если на кону свадебное платье его невесты, которое сделает мадемуазель Нуаро самой знаменитой модисткой столичного света!

Однако Марселина встретила с достойным противником. Герцог не просто опытный обольститель, он умен, обаятелен, хорош собой — словом, в нем есть все, чтобы заставить женщину влюбиться до безумия.

Один неосторожный шаг — и искра, с первой встречи вспыхнувшая между герцогом и Марселиной, разгорается в пламя неистовой страсти...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лоретта Чейз

Соблазнительный шелк

Loretta Chase

SILK IS FOR SEDUCTION

© Loretta Chekani, 2011

© Перевод. А.Ф. Фролова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Печатается с разрешения издательства Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Пролог

Летом 1810 года мистер Эдуард Нуаро сбежал в Гретна-Грин с мисс Кэтрин Делюси.

Мистер Нуаро считал, что его избранница — английская наследница, немалое состояние которой в результате этого поспешного действия перейдет к нему. Тайное бегство исключало длительные и чрезвычайно утомительные приготовления с участием родителей и адвокатов, неизменно предшествующие брачной церемонии. Решившись на тайный брак с богатой и высокородной англичанкой, Эдуард Нуаро следовал древней семейной традиции. Его мать и бабушка тоже были англичанками.

К сожалению, он был введен в заблуждение своей нареченной, которая оказалась такой же превосходной обманщицей, как ее возлюбленный, — правда, надо признать, очаровательной обманщицей. Состояние действительно было. В прошлом. Оно принадлежало ее матери, которую Джон Делюси соблазнил и отвез в известную шотландскую деревушку, как это было принято в его семье.

Состояние уже давно растаяло без следа. И теперь мисс Делюси намеревалась исправить свое финансовое положение, как это делали многие женщины ее семьи, заманив в брачную ловушку ничего не подозревающего джентльмена, обладающего голубой кровью, глубокими карманами и любвеобильным сердцем.

Она тоже пребывала в заблуждении, поскольку Эдуард Нуаро был ничуть не богаче, чем его невеста. Отпрыск французского графа (по крайней мере так он утверждал), он лишился состояния, как и некоторых родственников, во время революции.

Благодаря этой комедии ошибок, имеющая самую сомнительную репутацию ветвь одного из знатных французских семейств оказалась связанной со своим английским аналогом — семьей, которую на Британских островах называли не иначе как Ужасные Делюси.

Нетрудно представить себе досаду молодоженов, когда обнаружилась правда.

Читатель, несомненно, ожидает криков, ссор, взаимных упреков, обычных в подобных ситуациях. Однако все получилось совершенно иначе. Мошенник и плутовка — а молодожены, несомненно, были таковыми — искренне любили друг друга и, когда тайное стало явным, смеялись до колик. А потом объединили свои силы. И принялись соблазнять и обманывать каждого простака, которому не повезло оказаться у них на пути.

А путь этот был долгим и запутанным. Он вился между Британскими островами и континентом — в зависимости от того, где положение оказывалось слишком опасным для комфортного существования.

В процессе своих скитаний Эдуард и Кэтрин Нуаро произвели на свет трех дочерей.

Глава 1

«Женская портниха. Так мы назовем особу, которая не только шьет платья, но также является модисткой, то есть изготавливает женские шляпки. Портнихе необходим вкус, фантазия и быстрая реакция, чтобы следовать в ногу с модой и уметь потакать вкусам, которые в высших кругах лондонского общества постоянно меняются».

Книга английских ремесел и Библиотека полезных искусств, 1818

Лондон

Март 1835 г.

Марселина, София и Леони Нуаро, сестры и владелицы торгового дома на углу Флит-стрит и Уэст-Чансери-лейн, находились в торговом зале, когда леди Ренфрю, супруга сэра Джозефа Ренфрю, сообщила сногсшибательную новость.

Темноволосая Марселина прилаживала к шляпке очаровательный бантик в форме бабочки, рассчитывая, что ее светлость не устоит перед этим творением. Блондинка София наводила порядок в ящике, из которого незадолго до этого вытряхнула все содержимое, чтобы найти какую-то мелочь, совершенно необходимую их предыдущей клиентке. Рыженькая Леони подшивала подол платья ближайшей подруги ее светлости — леди Шарп.

И хотя это был всего лишь слух, сплетня, случайно оброненная во время разговора, леди Шарп взвизгнула — как будто в комнате разорвалась бомба — споткнулась и наступила на руку Леони.

Та не выругалась вслух, хотя Марселина видела, как шевельнулись губы сестры, еле слышно произнося слово, явно непривычное для ушей высокородных дам.

Не обратив никакого внимания на травму, которую она нанесла какой-то ничтожной портнихе, леди Шарп переспросила:

— Герцог Кливдон действительно возвращается?

— Да, — чопорно ответствовала леди Ренфрю.

— В Лондон?

— Ну конечно. Я это знаю из компетентного источника.

— Но что случилось? Лорд Лонгмор пригрозил, что застрелит его?

Все портнихи, одевающие дам из высшего общества, неизменно хорошо информированы. Они всегда в курсе событий, происходящих в свете. Поэтому Марселина и ее сестры хорошо знали эту историю. Им было известно, что Жерве Анжье, седьмой герцог Кливдон, когда-то находился под опекой маркиза Уорфорда, отца графа Лонгмора. Они знали, что Лонгмор и Кливдон были лучшими друзьями, а Кливдон и леди Клара Фэрфакс, старшая из трех сестер Лонгмора, с рождения были предназначены друг для друга. Кливдон обожал ее с раннего детства и никогда не выказывал намерения поухаживать за кем-то другим, хотя, разумеется, имел множество необременительных связей на стороне, особенно во время своего трехлетнего пребывания на континенте.

Пара не была официально помолвлена, но это считалось пустой формальностью. В свете все знали, что герцог женится на ней, как только вернется вместе с Лонгмором из

поездки по Европе. Общество было в шоке, когда год назад Лонгмор вернулся один, а Кливдон остался вести разгульную жизнь на континенте.

Вероятно, терпение семьи истощилось, потому что две недели назад лорд Лонгмор отправился в Париж, судя по слухам, чтобы потребовать от друга исполнения своих обязательств. Сколько же можно откладывать свадьбу?

— Думаю, он пригрозил, что отхлещет его хлыстом, — доверительно сообщила леди Ренфрю, — но это лишь мои догадки. Доподлинно известно, что лорд Лонгмор ездил в Париж и вернулся с обещанием его светлости быть в Лондоне еще до дня рождения короля.

Его величество родился в августе, но в этом году его день рождения отмечали 28 мая.

Поскольку ни одна из сестер Нуаро не вскрикнула, не споткнулась и даже не подняла удивленно брови, посторонние наблюдатели не смогли бы догадаться, что они сочли эту новость чрезвычайно важной.

Они продолжали заниматься своими делами, уделяя все внимание леди Ренфрю и леди Шарп, а потом и другим дамам, посетившим их заведение. Вечером они в обычное время отправили домой швею и закрыли магазин. После этого сестры поднялись наверх в свои уютные комнаты и съели легкий ужин. Марселина рассказала своей шестилетней дочери Люси сказку и уложила ее в постель.

Люси быстро уснула, и сестры тихо спустились вниз — в мастерскую, расположенную в задней части дома.

Каждый день неряшливый мальчишка приносил к задней двери магазина полный комплект скандальных газет — обычно на них еще не успевала высохнуть краска. Вот и сегодня Леони забрала их и разложила на рабочем столе. Сестры начали просматривать колонки.

— Вот оно, — через несколько мгновений сказала Марселина. — Лорд Л. вчера вечером вернулся из Парижа. Нам стало известно, что некоему герцогу, в настоящее время проживающему во французской столице, было сказано, что леди К. уже давно устала ждать, когда он исполнит свои обязательства. Ожидается, что его светлость вернется в Лондон ко дню рождения короля. О помолвке будет объявлено на балу у Уорфордов в конце сезона. Свадьба состоится до конца лета.

Марселина передала газету Леони, которая продолжила читать:

— Если джентльмен не выполнит эту договоренность, леди будет весьма обескуражена. — Девушка засмеялась. — Дальше идут некоторые догадки относительно того, кто займет место герцога.

Она передала газету Софи, которая только покачала головой.

— Она будет дурой, если откажется от него. Подумать только! Герцог! Сколько их в Англии? А если говорить о герцоге, который молод, неженат, здоров и красив как бог, то такой вообще один. Он. — И девушка ткнула указательным пальцем в колонку светских сплетен.

— Интересно, — задумчиво протянула Марселина, — к чему такая спешка? Ей же только двадцать один год.

— И чем она занимается? — подхватила Леони. — Ходит в оперу, на балы, пикники, рауты и все такое. Аристократка, у которой есть все — внешность, титул, приданое. Ей ли волноваться о женихах? Этой девушке стоит...

Леони могла и не договаривать. Сестры несколько раз видели леди Клару Фэрфакс. Она была потрясающе красива классической английской красотой — светлые волосы, голубые глаза, молочно-белая кожа. А поскольку среди ее многочисленных достоинств имели место высокое положение, безупречная родословная и большое приданое, поклонники ходили за ней толпами.

— У этой девушки больше никогда не будет такой власти над мужчинами, — сказала Марселина. — Она вполне могла бы себе позволить погулять еще несколько лет, прежде чем остепениться.

— Бьюсь об заклад, лорд Уорфорд не ожидал, что герцог останется вдали от дома надолго, — предположила Софи.

— Говорят, маркиз всегда держал его в кулаке, — улыбнулась Леони, — тем более когда его отец совсем спился. Так что вряд ли можно винить его светлость за желание насладиться свободой.

— Интересно, может быть, это леди Клара стала проявлять нетерпение? Ведь никого вроде бы не тревожило отсутствие Кливдона, даже когда Лонгмор вернулся в Англию без него.

— Не о чем беспокоиться. — Марселина пожала плечами. — В сущности, они помолвлены. Разрыв с леди Кларой означал бы разрыв со всей семьей.

— Возможно, на сцене появился другой красавчик, который не пришелся по душе лорду Уорфорду? — заметила Леони.

— Скорее, все прочие красавчики не по душе леди Уорфорд, — усмехнулась Софи. — Эта дама не допустит, чтобы герцогство проскользнуло сквозь пальцы.

— Интересно, чем Лонгмор мог ему пригрозить? — спросила Софи. — У обоих молодых людей репутация вспыльчивых и задиристых драчунов. Но ведь он не мог вызвать герцога на дуэль? Убийство противоречит его планам. Возможно, он обещал избить герцога до бесчувствия?

— Хотела бы я на это посмотреть, — усмехнулась Марселина.

— И я, — сообщила Софи.

— И я, — добавила Леони.

— Пара молодых красивых аристократов сцепилась в драке, — сказала Марселина и засмеялась. Кливдон покинул Лондон за несколько недель до того, как сестры приехали из Парижа, так что они его ни разу не видели и только знали, что в обществе его считают красавцем. — На это стоит посмотреть. Жаль, что мы никогда не увидим ничего подобного.

— С другой стороны, свадьба герцога случается не каждый день, и если она состоится... — мечтательно проговорила Софи.

— Да... Это будет свадьба года... или десятилетия, — подхватила Леони. — Платье невесты — только начало. Она захочет приданое и полный гардероб, соответствующий ее новому положению. Все будет только высшего качества. Кружева. Тончайшие шелка. Легкий, словно воздух, муслин. Она потратит на все это тысячи.

Какое-то время три сестры сидели молча, представляя себе это зрелище, как благочестивые души грезят о рае.

Марселина знала, что Леони могла бы рассчитать все затраты до последнего фартинга. Непокорная рыжая шевелюра покрывала голову настоящей деловой женщины, обладавшей острым расчетливым умом. Она очень любила деньги и все, что с ними связано, со всей возможной тщательностью вела конторские книги и занималась счетами. А вот Марселина предпочла бы чистить туалеты, чем хотя бы раз взглянуть на колонку цифр.

У каждой сестры были свои сильные стороны. Марселина, старшая, была копией своего отца. Она унаследовала от него чувство стиля, воображение, талант к рисованию. А главное — страсть к прекрасному. Благодаря годам, проведенным в Париже, и обучению портновскому делу у кузины Эммы, пристрастия Марселины несколько изменились. То, что начиналось как тяжелая монотонная работа — ремесло, изученное еще в детстве ради выживания, — стало жизнью Марселины, ее любовью, ее призванием. Она стала не только модельером торгового дома Нуаро — она была его душой.

У Софии был талант к лицедейству, который она обратила на пользу делу. Белокурая голубоглазая милашка снаружи и зубастая акула внутри, Софи могла продать песок бедуинам. Ей ничего не стоило заставить рыдать ростовщиков с каменными сердцами, а прижизненных матрон — покупать самые дорогие безделушки.

— Вы только подумайте о престиже, — проговорила Софи. — Герцогиня Кливдон станет законодательницей мод. Куда бы она ни пошла, все последуют за ней.

— Она будет законодательницей мод в хороших руках, — сказала Марселина, — а сейчас...

Сестры дружно вздохнули.

— У нее не слишком хороший вкус, — сказала Леони.

— Ее мать... — начала Софи.

— Портниха ее матери, если быть точной... — добавила Леони.

— Гортензия Ужасная, — проговорили сестры хором.

Гортензия Даунс владела магазином женской одежды и пошивочной мастерской, которые были единственным препятствием на пути сестер к монопольному господству в этом бизнесе в Лондоне.

В семье Нуаро ненавистную соперницу называли Госпожой Безвкусицей.

— Переманить ее у Госпожи Безвкусицы — это, по сути, акт милосердия, — сказала Марселина.

В комнате повисло молчание. Сестры углубились в свои мысли.

Как только им удастся переманить одну покупательницу, тем более такую именитую, остальные повалят валом.

Женщины высшего общества — как овцы. И это могло бы принести большую выгоду — надо только заставить овец двигаться в нужном направлении. Проблема сестер Нуаро заключалась в том, что слишком мало женщин из высшего общества были их клиентками. Леди из общества — герцогини, маркизы, графини и иже с ними — все еще одевались у Гортензии Даунс.

Хотя работа сестер была во всех отношениях лучше, чем у конкурентки, в их магазин упорно не шли первые красавицы света.

— Нам потребовалось десять месяцев, чтобы заполучить леди Ренфрю, — вздохнула Софи.

Честно говоря, им просто повезло: ее светлость случайно услышала, как закройщица Госпожи Безвкусицы мисс Оукс сказала, что очень трудно подгонять лифы платьев ее дочери, потому что у нее груди разные и находятся не на месте.

Исполненная праведного негодования леди Ренфрю немедленно отменила все свои заказы и явилась в магазин сестер Нуаро, который ей порекомендовала ее приятельница — леди Шарп.

Во время примерки Софи объяснила плачущей девушке, что ни у одной женщины на свете нет абсолютно одинаковых грудей. После этого она сказала мисс Ренфрю, что у нее кожа, как шелк, и половина женщин высшего общества почувствуют жгучую зависть, взглянув на ее декольте. Когда сестры Нуаро закончили процесс одевания молодой девушки, она уже нетерпеливо приплясывала и буквально светилась от радости. Позднее ее очень довольная мать сообщила, что красивая фигура дочери, умело подчеркнутая платьем, не осталась незамеченной потенциальными женихами.

— Теперь у нас нет десяти месяцев, — печально вздохнула Леони. — И мы не можем рассчитывать, что эта злобная кошка мисс Оукс оскорбит еще и леди Уорфорд. Она все же маркиза, а не скромная супруга простого рыцаря.

— Леди Клару Фэрфакс надо поймать в наши сети очень быстро, иначе шанс будет упущен навсегда, — сказала Софи. — Если Безвкусица получит заказ на свадебное платье будущей герцогини, она получит и все остальное.

— Надеюсь, что я буду первой, — сказала Марселина.

Глава 2

«Итальянская опера, Итальянский бульвар. Любители итальянского языка и музыки будут здесь восхищены певцами самых выдающихся талантов; в этом театре исполняются исключительно итальянские комические оперы. Он поддерживается правительством и связан с французским оперным театром. Спектакли идут по вторникам, четвергам и субботам».

Фрэнсис Коглен. Справочное руководство по Франции, объясняющее все формальности и расходы, связанные с путешествием из Лондона в Париж, 1830

Париж, Итальянская опера

14 апреля 1835 года

Кливдон тщетно пытался не замечать ее.

Потрясающая брюнетка поняла, что завладела его вниманием. Она появилась в ложе, расположенной напротив его ложи, когда уже заиграла музыка.

Она выбрала крайне неудачное время.

Герцог обещал подробно описать Кларе сегодняшнее представление «Севильского цирюльника». Он знал, что Кларе очень хотелось побывать в Париже, хотя она пока довольствовалась его письмами. Через месяц или около того он вернется в Лондон и возобновит жизнь, которую вел прежде. Он решил, ради Клары, разумеется, стать хорошим. Он ни за что не будет таким мужем и отцом, каким был его собственный отец. После свадьбы он увезет жену за границу. А пока они переписывались — с тех самых пор, как она научилась писать.

Но в настоящий момент Кливдон был намерен использовать наилучшим образом каждое оставшееся мгновение свободы. И письмо Кларе было не единственным делом, которым он собирался заняться сегодня.

Он явился в театр вслед за мадам Сен-Пьер, которая сидела в соседней ложе с друзьями и периодически бросала на него совсем не враждебные взгляды. Кливдон поспорил с Гаспаром Арондуилом. Герцог поставил двести фунтов на то, что мадам пригласит его после оперы на суаре, а потом он собирался побывать в ее постели.

Но таинственная брюнетка...

На нее посматривали все мужчины в опере.

Ни один из них не обращал ни малейшего внимания на спектакль.

Французская публика, в отличие от англичан и итальянцев, как правило, хранит во время спектакля уважительное молчание. Но его спутники не умолкали ни на минуту. Мужчинам хотелось знать, что за восхитительное создание сидит в ложе вместе с актрисой Сильвией Фонтенэ.

Герцог покосился на мадам Сен-Пьер, потом перевел взгляд на таинственную брюнетку.

Через некоторое время он встал и вышел из ложи.

— Отличная работа, — пробормотала Сильвия, прикрываясь веером.

— Большое дело — качественно проведенная разведка, — усмехнулась Марселина. Она потратила целую неделю на изучение привычек герцога Кливдона и часто посещаемых им мест. Оставаясь невидимой для него, Марселина нисколько не скрывалась и все время была на виду. Она день и ночь, словно тень, следовала за ним по Парижу.

Как и остальные члены ее семейства, девушка умела быть незаметной или, наоборот, обращать на себя всеобщее внимание.

— Герцог не теряет времени, — сказала Сильвия, устремив взгляд на сцену. — Он хочет быть представленным, и что для этого делает? Идет прямо в ложу к главным парижским сплетникам, моему старому другу графу д'Орфевру и его любовнице мадам Иронде. Кливдон — настоящий эксперт, когда волочится за женщиной.

Марселине это было известно. Его светлость был не только опытным соблазнителем, но и обладал утонченным вкусом. Он преследовал далеко не каждую хорошенькую женщину, которая встречалась у него на пути. В отличие от многих своих соотечественников, он не был завсегдатаем борделей, даже самых изысканных. Не бегал за служанками и модистками. В общем, не был типичным распутником. Герцога Кливдона интересовали только высокородные аристократки или лучшие из лучших представительниц полусвета.

С одной стороны, это означало, что целомудрие Марселины не пострадает. Но с другой стороны, это был для нее вызов: ей необходимо было привлечь внимание герцога и удержать его достаточно долго, чтобы достичь своей цели. Думая об этом, она чувствовала, что сердце начинает биться чаще — будто смотришь на вращающееся колесо рулетки. Только на этот раз на кону стояли не просто деньги. Исход этой игры определит будущее ее семьи.

Внешне Марселина сохраняла спокойствие и уверенность.

— Сколько ты поставишь на то, что он и месье граф войдут в эту дверь в тот самый момент, когда начнется антракт? — спросила она.

— Я не настолько глупа, чтобы спорить с тобой.

Как только начался антракт — зрители как раз начали вставать с мест, — Кливдон вошел в ложу мадемуазель Фонтенэ с графом д'Орфевром.

Первое, что он увидел, — спину загадочной брюнетки, открытую на толику дюйма больше, чем позволила бы себе любая парижанка. Ее плечи были идеальной формы, кожа гладкая и нежная. Темные завитки соблазнительно покачивались на затылке.

Кливдон посмотрел на ее шею и моментально позабыл о Кларе, мадам Сен-Пьер и всех остальных женщинах на свете.

Прошла, казалось, целая жизнь, прежде чем он предстал перед ней, заглянул в блестящие темные глаза, в которых мерцали смешинки... скользнул взглядом по обольстительному изгибу сочных губ, в уголках которых тоже притаился смех. Потом она пошевелилась — чуть-чуть, едва заметно, просто легонько повела плечами, — но сделала это так, как любовница двигается в постели, во всяком случае, так отреагировало на это движение его тело.

Свет заиграл в ее волосах, позолотил кожу, отразился в огромных смеющихся глазах. Взгляд герцога скользнул ниже, к едва прикрытым струящимся шелком пышным грудям, маняще тонкой талии...

Он смутно понимал, что рядом находятся люди и даже о чем-то громко разговаривают, но не видел и не слышал никого, кроме этой обворожительной женщины. У нее был низкий чувственный голос — контральто с легкой хрипотцой.

Ее фамилия, если он правильно понял, Нуаро.

Идеально подходит.

Сказав мадемуазель Фонтенэ все, что требовали приличия, он сосредоточил все свое внимание на женщине, в одночасье лишившей покоя всех мужчин в опере. С отчаянно бьющимся сердцем он склонился к ее руке.

— Мадам Нуаро, — сказал герцог и коснулся губами мягкой кожи перчаток, — я восхищен. — Он почувствовал легкий экзотический аромат. Жасмин?

Подняв голову, он встретил взгляд, глубокий, словно полночь. Бесконечно долгое мгновение мужчина и женщина смотрели друг на друга.

Потом она указала веером на стоящий рядом стул.

— Очень неудобно беседовать с откинутой назад головой, ваша светлость.

— Приношу свои извинения. — Герцог сел. — Это было непростительной грубостью с моей стороны — так нависнуть над вами, но вид сверху был...

Он умолк на полуслове, с некоторым опозданием сообразив, что она говорит по-английски и, судя по речи, принадлежит к тому же классу, что и он. Он ответил автоматически, с детства приученный, что с собеседником следует говорить на его языке.

— Это удивительно! — воскликнул Кливдон. — Я бы мог побиться об заклад, что вы француженка! — Он слышал, как она говорила с д'Орфевром на превосходном французском — она явно знала этот язык лучше, чем сам Кливдон. Ее акцент был утонченным, но ведь ее подруга — актриса. Леди из высшего общества не выходят в свет с актрисами. А значит, предположил герцог, она тоже актриса или куртизанка.

Но сейчас он мог поклясться, что говорит с английской аристократкой.

— Ну, если речь идет о пари, что же вы поставите на кон? — поинтересовалась женщина. Ее томный взгляд скользнул по лицу герцога вниз, оставляя за собой жаркий след, и остановился на шейном платке. — Может быть, эту очаровательную булавку?

Ее запах, голос и тело мешали соображать.

— Ставка? — тупо переспросил он.

— Еще мы можем обсудить достоинства сегодняшнего Фигаро или порассуждать, кто должен петь арию Розины — меццо-сопрано или контральто, — сказала Марселина. — Но мне кажется, вы почти не смотрели на сцену. — Она лениво взмахнула веером. — Интересно, почему?

Герцог попытался собраться с мыслями. Тщетно.

— Я не понимаю, — с трудом выговорил он, — как можно обращать внимание на оперу, если в зале вы.

Он откинулся на спинку стула и взгляделся в сидящую рядом женщину. Какая у нее великолепная прическа! Стильная, как у других француженок... но не такая. Ее волосы были уложены иначе. Создавалось впечатление, что она только что встала с постели и причесывалась в спешке. И тем не менее ее прическа не выглядела неряшливой. Она просто была... иной.

— Вы француженка до мозга костей, — сказал герцог. — Если я не прав, булавка ваша.

— А если вы правы?

Ему пришлось соображать быстро.

— Если я прав, вы окажете мне честь и завтра отправитесь со мной на верховую прогулку в Булонском лесу.

— И это все? — улыбнулась Марселина.

— Для меня это очень много.

Женщина резко встала — послышалось шуршание шелка. Изумленный герцог тоже вскочил, правда, с некоторым опозданием.

— Мне нужен воздух, — проговорила она, — здесь становится душно.

Он открыл дверь ложи, и Марселина проскользнула мимо. С сильно бьющимся сердцем Кливдон последовал за ней.

Марселина видела его много раз — красивого, дорого и элегантно одетого английского аристократа.

Вблизи.

У нее кружилась голова.

Какое у него восхитительное тело! Она внимательно изучила его, пока герцог вежливо болтал с Сильвией. Причем великолепные физические данные не были созданы или даже подчеркнуты искусством портного, хотя костюм на нем сидел как влитой. Портному не пришлось прибегать к каким-либо ухищрениям, чтобы подчеркнуть широкие плечи, или, к примеру, спрятать живот. Тело герцога, казалось, состоит из одних только мышц.

Мышцы везде — руки, длинные ноги, великолепный торс. И ни один портной не смог бы создать ощущение силы, исходящее от его высокой стройной фигуры.

Герцог склонился к ее руке. Воздуха в ложе стало еще меньше.

Марселина видела его волосы — черные пряди, мерцающие, словно шелк, и искусно уложенные.

Мужчина поднял голову.

Она увидела рот, который должен бы принадлежать женщине, такой полный и чувственный. И все же это был мужской рот, только очень сексуальный.

Мгновением позже она заглянула в глаза мужчины — они были очень редкого цвета, зеленоватые, как нефрит, — а бархатный мужской голос ласкал ее уши и, казалось, заодно и тело, прикрытое одеждой.

Да что же это такое?

Покинув ложу, она быстро пошла по коридору в сторону фойе. Мысли лихорадочно метались. Герцог направился следом. Зрители, высыпавшие из зала, расступались перед ней. Это позабавило Марселину, обдумывающую сложившуюся ситуацию.

Она знала, что с герцогом Кливдоном будут проблемы.

Но явно недооценила их масштаб.

И все же она была Нуаро, а значит, риск возбуждал ее. Как только они заполучат герцогиню Кливдон, за ней определенно последует самая богатая и знатная клиентура. Иными словами, луна и звезды уже так близко, что их можно достать рукой.

— Надеюсь, вы здоровы, мадам? — спросил герцог на неплохом французском языке с сильным английским акцентом.

— Да, но мне лишь сейчас пришло в голову, что я веду себя нелепо, — сказала Марселина. — Что за глупое пари?

Кливдон улыбнулся.

— Надеюсь, вы не идете на попятную? Неужели верховая прогулка в моем обществе кажется вам ужасной перспективой?

Его мальчишеская улыбка и очаровательное самоуничижение, должно быть, уничтожили без следа моральные принципы не одной сотни женщин.

Марселина сказала:

— Насколько я понимаю, в любом случае я останусь в выигрыше. Но пари глупое. Подумайте сами: когда я скажу вам, правы вы или нет, как вы узнаете, что это правда?

— Вы считаете, я должен был потребовать ваш паспорт? — усмехнулся герцог.

— А вы готовы верить мне на слово?

— Конечно.

— Это может быть очень любезно с вашей стороны, — сказала она, — или в высшей степени наивно. Я пока не решила.

— Вы не станете мне лгать, — заявил герцог.

Если бы сестры Марселины были рядом, они бы хохотали до упаду.

— Это великолепный бриллиант, — улыбнулась она. — Если вы уверены, что женщина не солжет, чтобы его заполучить, вы очень наивны.

Потрясающие зеленые глаза чуть затуманились. Спустя мгновение герцог перешел на английский.

— Я был неправ, — сказал он, — совершенно неправ. Теперь я вижу: вы англичанка.

— Вы уверены?

Герцог кивнул.

— Вы заключили пари слишком поспешно. Вы всегда так торопитесь?

— Иногда, — не стал спорить герцог. — Но вы поставили меня в невыгодное положение. Вы ни на кого не похожи. Никогда в жизни не встречал подобных женщин.

— Что ж, я действительно англичанка, — призналась Марселина. — Мои родители были англичанами.

— Но все же вы немного француженка? — спросил герцог. Его зеленые глаза смеялись, и холодное расчетливое сердце Марселины забилося сильнее.

Все же он чертовски хорош.

— Совсем немного, — ответила она. — Имею в роду одного чисто французского прадедушку. Но и он, и его сыновья предпочитали очаровывать англичанок.

— Один прадедушка — это слишком мало, чтобы принимать в расчет, — сказал Кливдон. — Я весь увешан французскими именами, но тем не менее я безнадежно англичанин, а значит, тугодум — только к неправильным заключениям прихожу быстро. Ну, что ж, прощай, моя маленькая булавка. — И он поднял руки, чтобы снять ее.

На нем были перчатки, но Марселина не сомневалась: под ними нет ни мозолей, ни сломанных ногтей. Его руки, как и у всех представителей его класса, мягкие и ухоженные. Они были, пожалуй, немного больше, чем это было модным, но длинные изящные пальцы скрадывали недостаток.

Впрочем, в данный момент его пальцы казались на удивление неловкими. Лакей, помогавший хозяину одеваться, поместил булавку в складках шейного платка точно и твердо, и герцог никак не мог ее вытащить.

Или делал вид, что не может.

— Позвольте мне, — сказала Марселина. — Вы же не можете видеть, что делаете.

Она отвела его руки в сторону. Перчатки прикоснулись к перчаткам. И ничего более. И все же она ощутила потрясение от этого мимолетного контакта, словно дотронулась до его обнаженной кожи, и это ощущение волной прокатилось по ее телу.

Марселина остро чувствовала его тело под слоями дорогущей ткани — шейный платок, жилет, рубашка. Но ее руки не дрожали. Сказалась многолетняя практика. Она привыкла твердо держать карты, и не важно, что сердце при этом готовится вылететь из груди. Ей было не впервой блефовать, не выдавая себя ни блеском глаз, ни случайным движением мышц лица.

Наконец булавка оказалась у нее в руках. Крупный бриллиант таинственно мерцал на свету. Марселина подняла глаза на белоснежную ткань, которую чуть смяли ее ловкие пальчики.

— Ваш шейный платок теперь выглядит каким-то беззащитным...

— Что это? Раскаяние?

— Вовсе нет! — воскликнула Марселина, и это было чистой правдой. — Но пустое место оскорбляет мои эстетические чувства.

Она вытащила булавку из лифа своего платья и заменила ее драгоценностью герцога. А своей булавкой заколола его шейный платок. Ее вещь была совсем не такой роскошной — всего лишь маленькая жемчужинка. Но она была хорошего качества, смотрелась очень мило и в складках шейного платка казалась вполне уместной.

Марселина чувствовала горячий взгляд герцога и его напряженную неподвижность.

Она разгладила ткань и отступила на шаг, чтобы со стороны оценить свою работу.